

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Серия «Роман-кино»

Художники:
Д.Д. Гордеев, И.А. Сакуров

Оформление обложки — *Александр Шпаков*

Акунин, Борис.

А44 Смерть на брудершафт: [роман-кино] / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 448 с.
Содерж.: Младенец и черт: фильма первая. Мука разбитого сердца: фильма вторая.

ISBN 978-5-17-091641-2

«Смерть на брудершафт» — название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино», призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа.

«Младенец и черт» — книга, в которой показано начало драматического противостояния российской и германской разведок в Первой мировой войне.

Повесть «Мука разбитого сердца» описывает столкновение разведок в нейтральной Швейцарии из-за «Шпионской биржи».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091641-2

© В. Акунин, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

МЛАДЕНЕЦЪ

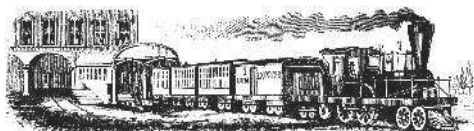
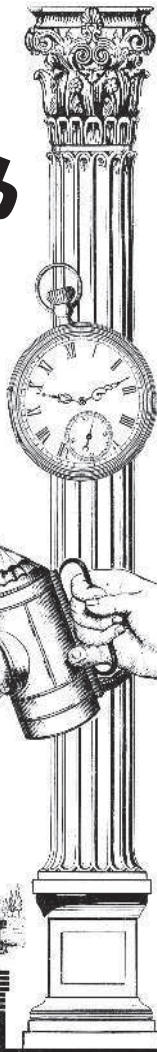
И ЧОРТЬ

Комедія

ОПЕРАТОРЪ

ИГОРЬ САКУРОВЪ

Тапёръ г-н Акунинъ

Июль 1914 года
Эрцгерцог убит. Мировая война
начнется со дня на день. Но пока это
понимают лишь профессионалы...

Штабс-ротмистр князь Козловский постучал в дверь кабинета слишком громко, а каблуками по паркету отчеканил так, что у генерала на столе задрезжала золоченая ложечка в фарфоровой чашке.

Его превосходительство был переведен в Огенквар* недавно, ранее служил в Департаменте полиции и пока еще не успел сменить чиновничий мундир на военный. Генерал был не в духе и пил черный кофе третий раз за день, что бесполезно для сердца и желудка. А что делать? Из-за выстрела в Сараеве третьи сутки почти вовсе без сна. Спасибо за такое повышение. В Департаменте полиции, с бомбистами и пропагандистами, было и то покойней.

* Отдел генерал-квартирмейстера при Генштабе, среди прочего ведавший и военной контрразведкой.

— Князь, зачем вам шпоры? — спросил его превосходительство, морщась (у него еще и мигрень вступила). — Не в кавалерии служите.

А Козловскому хоть бы что. Видел, что начальство не в расположении, но и усом не повел. Он еще с кадетских времен взял себе принцип: не цукать младших, не вилять хвостом перед старшими.

Перешел сразу к делу.

— Зацепились, ваше превосходительство! Я был прав! Гвардии поручик Рябцев — вражеский агент. Засланный или подкупленный, пока не установлено, ну да это неважно. Важно, что нынче вечером у него назначена конспиративная встреча, предположительно с резидентом!

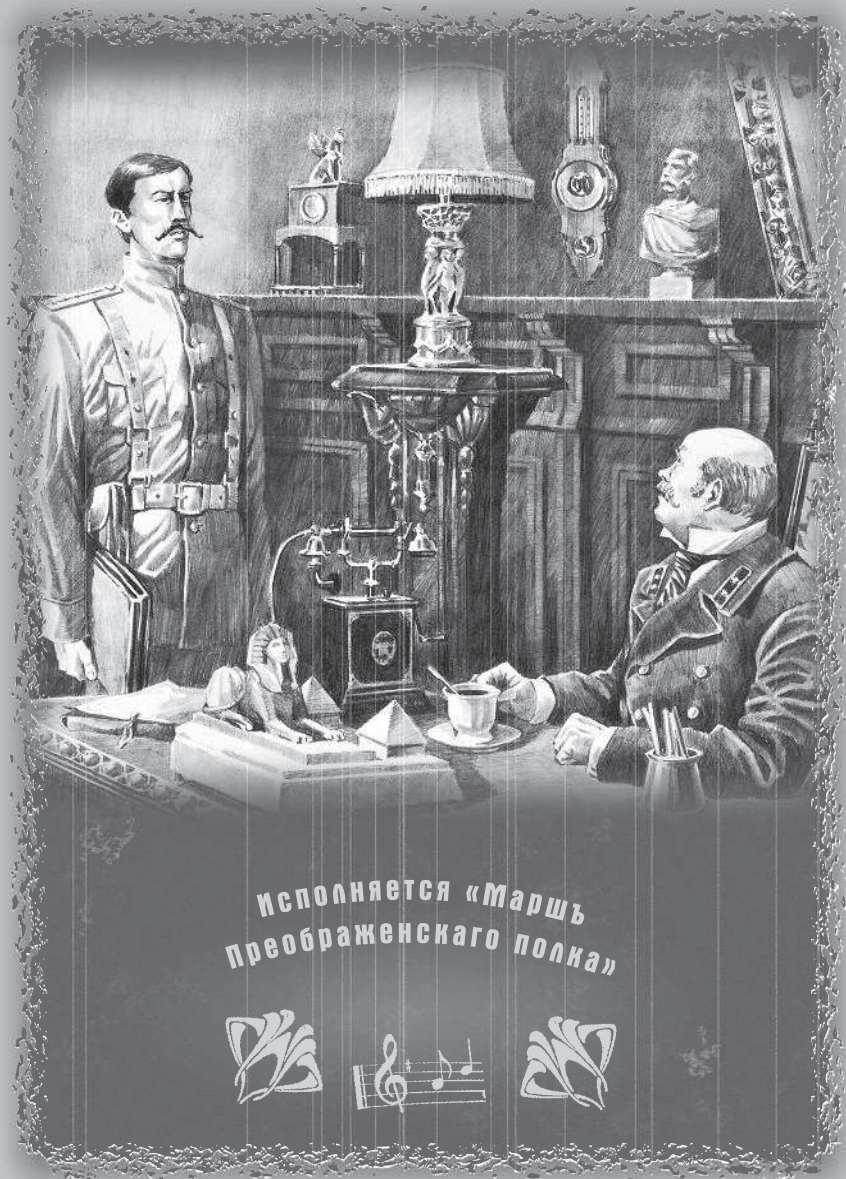
Начальник брюзгливую мину с лица убрал, глаза так и вспыхнули. Уже совсем другим тоном предложил:

— Садитесь, князь, вам же неловко. Да вы не стесняйтесь, князь, закуривайте. Говорите, встреча с резидентом?

Генерал чаще нужного именовал своего сотрудника сиятельным титулом. Приятно, когда у тебя в подчинении настоящий Рюрикович и можно ему запросто сказать: «Да вы не стесняйтесь, князь» или «Это безобразие, князь».

Штабс-ротмистр, выставив плохо гнущуюся правую ногу, сел к столу, потянул из бювара бумажную папочку.

Его худое, с бравыми копьеобразными усами лицо было бесстрастно, но пальцы подрагивали от возбуждения. Все эти безумные дни в контрразведку чуть не ежечасно названивали от генерал-квартирмейстера, от начальника Генштаба, от военного министра, и всё с одним и тем же: немедлен-

Исполняется «Марш
преображенского полка»

но выявить и обезвредить шпионскую сеть предполагаемого противника. Об исполнении доложить к двадцати ноль-ноль, к шести ноль ноль, к полудню.

А как ее выявишь?

Контрразведочное отделение в штатном расписании Генерального штаба имеется, да контрразведки как таковой, считай, нет. Одна бумажная видимость. Столько лет ждали большой войны с немцами и австрийцами, готовились-готовились, а всё одно профукали. Как это у нас обыкновенно и бывает.

Всякий толковый офицер, если превратности карьеры забросили его в контрразведку, норовил при первом же отличии выпросить себе награду — перевод в полк. Оставались одни бестолковые или калеки вроде Козловского. Только и он заделался ловцом шпионов недавно, без году неделя. Рвения у князя пока было много больше, чем опыта.

А враг к войне готовился по-научному, с немецкой основательностью. Только теперь это стало мало-помалу проясняться.

В кабинете у штабс-ротмистра собралась кипа газет, в том числе пожелтевших, десятилетней давности. В каждом номере красным карандашом подчеркнуты соблазнительные объявления: «До 15 тысяч годового дохода могут работать г.г. офицеры, чиновники и лица, вращающиеся в высших кругах общества, в качестве представителей заграничной фирмы. Офферты с краткой биографией присылать по адресу: Л.Шлезингер, Берлин, 18». «800 барышень и вдов с приданым до 200 тысяч желают выйти замуж. Жених мо-

жет быть и без средств. Писать: Л.Шлезингер, Берлин, 18». И прочее подобное. А про адрес теперь доподлинно установлено, что это явочная квартира германской разведки! Сколько «г.г. офицеров, чиновников и лиц из высших кругов общества» за эти годы на удочку клюнуло? Поди-ка выясни к двадцати ноль-ноль.

В отдельной папке у князя Козловского подобрался список немецких и австрийских подданных, занимающих важные посты в военной промышленности. Взять одну Путиловскую судоверфь, где снаряжают броненосцы. Директора — герр Бауэр, герр Польш и герр Орловски; начальник отдела военного судостроения Шиллинг; начальник большой верфи Роймер; начальник малой верфи Фент. И повсюду так!

Это еще явные. А сколько скрытых? В одном Петербурге проживает восемьдесят тысяч лиц лютеранского вероисповедания. Большинство из них, конечно, честные люди и патриоты России. Но что такое «большинство», если речь идет о шпионаже?

Теперь, когда муравейник зашевелился, когда дали людей, средства, особые полномочия, каждый день обнаруживались всё новые и новые факты германской предусмотрительности. Вся русская земля оказалась сплошь усеяна тевтонскими драконьими зубами. Просто голова шла кругом.

«Утешает только одно, — не уставал повторять его превосходительство. — У коллег из разведочного отделения ситуация вовсе швах, им на орехи больше нашего достается».

* * *

Что можно было сделать за четыре дня, сделано. Прямо 28 июня, через два часа после получения роковой вести из Сараева, отдан приказ о круглосуточной слежке за австрийским и германским военными агентами и кругом их общения. Молниеносно организована (это уж личная заслуга штабс-ротмистра) негласная проверка всех офицеров, кто имеет доступ к секретным сведениям и документам: образ жизни, знакомства, сомнительные привычки, поездки на воды в Баден-Баден да Мариенбад.

За подозрительными установлено наблюдение, и результаты не замедлили себя ждать. Дело тут, конечно, не только в бдительности филеров. Просто вражеские агенты в преддверии скорой войны развили кипучую деятельность, вылезали из нор, будто кроты перед грозой.

— Это какой такой поручик Рябцев? — спросил генерал, жадно глядя в папку.

Поручик был вот какой. Служит младшим делопроизводителем в секретной части Гвардейского корпуса. Собственного состояния не имеет, а живет широко. В апреле проиграл в карты семь тысяч — и ничего, расплатился. Тогда-то и на заметку попал. Так, на всякий случай.

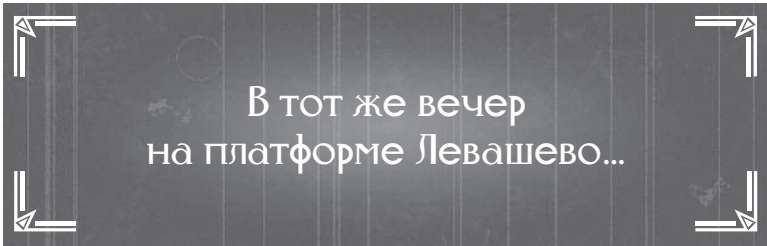
Вчера подслушан странноватый телефонный разговор Рябцева с неизвестным лицом, которое говорило по-русски нечисто и делало таинственные намеки. После этого слежка утроена.

Нынче утром в почтовом ящике Рябцева обнаружена зашифрованная записка. По виду обычная квитанция. А нагрее-

ли на свечке — проступили слова: «Сегодня в одиннадцать. Платформа Левашево. Взять всё».

— Левашево это по Финляндской дороге? — уточнил его превосходительство. — Как же, как же, доводилось бывать там на даче у NN, — назвал он по имени-отчеству господина министра внутренних дел. — И не раз.

— Там много у кого дачи, — пожал плечом Козловский, не проявив интереса к высоким знакомствам начальника. — Так что, ваше превосходительство? «Медвежью охоту» прикажете? А может, «Волчью»?

В тот же вечер
на платформе Левашево...

Его превосходительство санкционировал «Волчью охоту» — арестную операцию самого крупного масштаба, употребляемую для захвата особо важных персон.

Порядок такой: три кольца обложения, в первом и втором только филеры старших разрядов, лучшие из лучших. Выскользнуть невозможно.

«Медвежья» попроще, требует бригады из 10—15 человек. При «волчьей» используется не меньше тридцати. Не жалко, лишь бы Рябцев вывел на резидента. А то, что изменника на дачную станцию вызвал не какой-нибудь посредник, у Козловского сомнений не вызывало. Каков тон записки! «Взять всё». Когда распоряжение отдается даже не повелительным наклонением, а инфинитивом, это уж понимай: наивысшая инстанция командует.

К восьми часам два внешних кольца были расставлены. Внутреннее (сам штабс-ротмистр и еще семеро надежных молодцов) расположилось на позициях непосредственно вокруг перрона.

Одно из главных качеств, потребных контрразведчику, — терпеливость. С этим у Козловского было неважно. К девяти

часам он весь извелся, нефритовый папиросный мундштук прогрыз чуть не насквозь. Курить при этом не курил. Довольно странно было бы, если б из густых кустов, росших сразу за оградой платформы, запахло бы дорогим египетским табаком.

Вечер между тем был волшебный. Хоть и темноватый из-за низкой облачности, но свежий, наполненный ароматами сирени, а незадолго до назначенного randevu на какой-то из окрестных дач красивый баритон стал петь знаменитые арии из опер. Первую Козловский хоть и слышал раньше, но не распознал (с музыкальным образованием у князя было не очень), зато вторая была известна любому гимназисту.

«На призыв мой тайный и страстный, о друг мой прекрасный, выйди на балкон», — самозабвенно выводил неведомый певец.

Пора было и другу прекрасному Рябцеву появиться. Его от самого дома вели четверо агентов. Один протелефонировал с Финляндского вокзала еще полтора часа назад, сказал, что садятся на пригородный. Куда подевались? Тут ехать всего сорок минут.

От нервов штабс-ротмистр всё покачивался с каблука на носок и докачался, подвернул покалеченную ногу. Выmaterился, но про себя — шуметь было нельзя. Мимо, в пяти шагах, по дорожке ходили люди. Правда, после десяти часов их стало меньше, разбрелись по своим дачам, чай пить, в лото играть, слушать граммофон. Пускай их поблаженствуют, недолго осталось. Скоро вся мирная жизнь полетит под насыпь, как сорвавшийся с рельсов пассажирский поезд...

Проклятый двойной перелом, память о неудачных скачках, сросся паршиво, с защемлением нерва, и доставлял Козловскому немало скверных минут. Что минут — вместе с коленом хрустнула и переломилась вся его складная, замечательно устроенная жизнь. Полк, золотые товарищи, эх, летние лагеря в Красном Селе, честная кавалерийская карьера...

После того как медицинская комиссия приговорила лейб-кирасира к полному комиссованию, осталось только прибегнуть к средству, которое Козловский всегда презирал: попросить протекции у родственников. Дядя-сенатор употребил влияние, с кем-то там поговорил, утряс. Выбор предложили удручающий: либо военно-учетный архив — бумажки сортировать, либо контрразведочное отделение Огенквара.

Новая служба оказалась еще хуже, чем про нее рассказывали. Но штабс-ротмистр стиснул зубы и с тем же старанием, с которым в свое время учился вольтижировке и джигитовке, принялся осваивать науку тайной войны. Слава Богу, не дурак и не лентяй, за минувшие полгода постиг многое. А поначалу, смешно вспомнить, багровел, когда приходилось подавать руку осведомителям. Процедура, конечно, неприятная, однако необходимая. Куда ж в контрразведке без этих юрких, жадных до денег господ? А будешь выказывать им презрение — для дела вред. Публика это обидчивая и чрезвычайно мнительная.

Рябцев приехал без двадцати. Оказалось, химичил по дороге, с поезда на поезд перескакивал. Будто от Лучникова и его ребят можно оторваться.